

ВОЛЧИЙ ЗВОН

18+

White Tree

Волчий звон

<https://litres.ru/74650984>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Волчий звон» — мрачная хоррор-повесть в жанрах тёмного фэнтези и мистики. История сочетает кровавый ужас, атмосферу тревоги, тайны города Велмар и тему цены, которую люди готовы платить за защиту. Публикация будет выходить по главам.

Содержание

Глава 1	4
Голос за окном	4
Конец ознакомительного фрагмента.	25

White Tree

Волчий звон

Глава 1

Голос за окном

Первый удар колокола Лея почувствовала подошвами сапог. Гул прошёл по каменным плитам, поднялся по винтовой лестнице и отозвался в зубцах разобранного перед ней механизма. Девушка придержала тяжёлое колесо, чтобы оно не сорвалось с креплений, и только тогда посмотрела на узкое окно. За мутным стеклом вечернее небо уже темнело над крышами Велмара.

Второй удар заставил дрогнуть жестяную коробку с болтами. На третьем затихли голоса рабочих внизу. Пока колокол отбивал четвёртый и пятый, Лея успела вернуть ключ в сумку и прикрыть смазанные шестерни защитной пластиной. Но последняя вибрация повела себя странно: одна из цепей, уходивших за северную стену машинного зала, натянулась с опозданием и коротко звякнула, будто за неё потянули с другой стороны.

Лея дождалась шестого удара. Когда гул начал стихать,

она подошла к железной двери, которой заканчивался узкий проход между стеной и противовесами. За три года работы ей так и не разрешили посмотреть, что находится за ней. Наставник объяснял запрет опасностью старых механизмов, хотя ни одного чертежа этих механизмов Лея не видела. Теперь из-за двери донёсся скрежет — тихий, неровный, словно по камню проволокли тяжёлый металлический предмет.

— Ну и что у тебя там ломается? — пробормотала она, наклонившись к замочной скважине.

Ей ответила тишина. В просвете не было видно ничего, кроме темноты; оттуда тянуло прохладой, на удивление сырой для помещения на такой высоте. Лея коснулась узора вокруг замка: по чёрному металлу шли переплетённые линии, похожие то ли на ветви, то ли на длинные когти. Старую дверь не перекрашивали много лет, но на головках крепёжных болтов виднелись свежие царапины.

— Корвин! — рявкнули снизу. — Ты решила поселиться в башне?

— Я закончила, мастер Мелвин!

— Тогда спускайся, пока ворота не закрыли. Или мне самому тебя вытаскивать?

Лея убрала руку от замка. Мелвин не любил, когда она задавала вопросы о северном крыле, а сегодня он и без того был сердит: половину дня они разбирали привод, который упрямо отказывался работать ровно. Она подхватила сумку и направилась к лестнице, по привычке считая ступени на

поворотах. На третьем пролёте замедлила шаг. Здесь стоял незнакомый запах — мокрой кожи, железа и чего-то животного, напоминающего шерсть пса, долго просидевшего под дождём.

У стены действительно лежали старые ремни от подъёмных грузов. Лея решила, что дело в них, но, проходя мимо, заметила на каменном полу узкую влажную полосу. Она тянулась от закрытого прохода к лестничному проёму и обрывалась у первой ступени. Девушка присела, тронула её пальцем: обычная вода, только непривычно холодная. Мелвин снова окликнул её, и разбираться было некогда. Она вытерла руку о рабочий передник и спустилась.

У выхода наставник уже надевал толстые рукавицы. Мелвин был невысоким, широкоплечим человеком с седыми висками и руками, навсегда испачканными машинным маслом. Увидев Лею, он сначала посмотрел на её сумку, потом — на лестницу за спиной.

— К северной двери подходила?

— Цепь опять дёргается после пятого удара. Я хотела понять почему.

— Это не твоя работа.

— Если из-за неё сломается привод, чинить придётся нам обоим.

Мелвин застегнул рукавицу так туго, что кожа скрипнула.

— Завтра проверим всё, до чего нам положено добираться. А остальное оставь хранителям. Они знают, что делают.

Лея не стала спорить. Однако пока они выходили во двор, ей не давала покоя одна мысль: если хранители действительно знали, что делают, почему Мелвин всякий раз говорил о закрытом проходе так, будто боялся даже произнести его название?

После шестого удара Велмар всегда спешил спрятаться под крыши. Вдоль торговой улицы гасили уличные жаровни, хозяева лавок притягивали ставни к проёмам, а немногочисленные прохожие прибавляли шаг. Возле восточного перекрёстка стражники уже проверяли засовы на внутренних решётках. Город не был осаждён, но каждый вечер вёл себя так, словно враг стоял по другую сторону ворот и терпеливо ждал разрешения войти.

Лея шла по знакомой дороге, держа сумку под полой пальто. Над каменными крышами нависали горы, их вершины терялись в низких облаках. Западнее начинался Немой Бор: даже отсюда его ели казались одной плотной чёрной стеной. В детстве Нэрин уверяла, что деревья медленно приближаются к городу, пока все спят. Лея тогда спорила с ней до хрипоты и приводила примеры из старых карт. Теперь, проходя мимо западной улицы, она невольно взглянула туда, где между домами виднелись верхушки леса.

— Девочка Корвин! — позвали её от пекарни. — Ты ведь не собираешься питаться одним воздухом?

Госпожа Руд стояла на пороге, прижав к груди свёрток в

серой бумаге. Пышные щёки женщины покраснели от жара печи, а на рукаве белела мука. Она сунула Лее в руки ещё тёплый хлеб, даже не дожидаясь согласия.

— За сегодняшний не возьму. К утру он всё равно зачерствеет.

— Спасибо. Я занесу деньги потом.

— Лучше занеси себя домой вовремя. У северных ворот сегодня следы нашли, слышала?

Лея остановилась. У госпожи Руд всегда находилась новая история, но на этот раз женщина говорила без привычного удовольствия от чужих новостей.

— Чьи следы?

— Я не спрашивала, и тебе не советую. Сказали только, что большие. Патруль отправили ещё засветло, а людей теперь предупреждают не выходить ночью даже во двор.

— Может, медведь. Они перед холодами иногда спускаются с гор.

— Медведь не заставил бы капитана удвоить стражу. — Госпожа Руд оглянулась на пустеющую улицу и понизила голос: — Нэрин тоже пошла с патрулём, потому что кто-то видел следы. Не ходи за ней тем же путём.

Лея крепче стиснула свёрток. Руд заметила это и хотела что-то добавить, но девушка уже поблагодарила её ещё раз и попрощалась. Через несколько шагов за спиной щёлкнул засов, затем второй. Этот звук сопровождал каждый вечер в Велмаре — короткий, почти домашний, но с недавних пор

Лее слышалось в нём что-то постыдное. Люди запирали двери и делали вид, что за ними ничего не происходит.

Дом Корвинов стоял в узком переулке между сапожной мастерской и пустующей прачечной. Лея с усилием повернула ключ в замке, вошла и привычным движением задвинула поперечный засов. В передней было прохладно. На крючках висели два старых плаща, а у стены стояли высокие сапоги Нэрин — та оставила их дома в день последнего патруля, надев запасные. Лея по-прежнему не переставляла их, хотя натывалась на них всякий раз, когда приходила поздно.

Двадцать три дня назад сестра ушла с караулом к северной дороге и не вернулась. Стражники нашли сломанный арбалет, плащ и кровь, но тела не было. Неделью поисков спустя капитан прочитал Лее сухой отчёт, в котором Нэрин значилась погибшей при нападении неизвестного зверя. На вопрос, где доказательства, он лишь постучал пальцем по бумаге. С тех пор Лея возненавидела слова «вероятнее всего»: ими можно было прикрыть любую пустоту.

Она растопила печь, поставила чайник и развернула хлеб. Есть не хотелось, но с утра во рту не было почти ничего, кроме холодного чая из мастерской. За столом стояли два стула. Нэрин всегда оставляла свой чуть отодвинутым — спешила встать, зацепляла ножкой половицу и обещала когда-нибудь её починить. Лея поставила хлеб на стол, хотела задвинуть стул, но передумала. Так, по крайней мере, дом выглядел не окончательно пустым.

Над печью висел рисунок в деревянной рамке. Много лет назад они с Нэрин изобразили углём себя и мать: у всех получились огромные головы, зато мать узнала себя по родинке возле губ. Она смеялась так долго, что не могла выговорить ни слова, а потом напела им простую колыбельную — две короткие ноты и одну протяжную. Лея помнила мелодию лучше, чем большинство событий того времени. Иногда она заставляла себя за тем, что напевает её, когда чинит шестерни, и всякий раз испытывала неловкость, словно кто-то застал её за детской слабостью.

Из соседней комнаты раздался тихий стук. Лея подняла голову и некоторое время прислушивалась, держа кружку обеими руками. Звук повторился, теперь чуть громче. В комнате Нэрин могла хлопать только оконная створка: осенний ветер расшатал её крепление, а Лея всё не находила времени починить. Она встала, прошла через тёмный коридор и осторожно толкнула дверь.

— Нэрин? — произнесла она, прежде чем успела остановить себя.

Ответил скрип незакрытой форточки. Комната сохранила чужую аккуратность только там, где Лея её навела: постель была застелена, но на спинке кровати всё ещё висел брошенный сестрой плащ, а на столике осталась деревянная расчёска с несколькими длинными волосками между зубьями. Лея закрыла окно, проверила шпингалет и села на край кровати. Она собиралась задержаться всего на минуту, однако долго

не могла заставить себя подняться.

Когда они были маленькими, Нэрин постоянно уверяла, что никогда не оставит младшую сестру одну. Наверное, в те годы она искренне верила, будто может распоряжаться такими вещами. Лея посмотрела на пустую постель и почувствовала глухую злость — на стражу, на город, даже на саму Нэрин, которая обещала то, чего не сумела выполнить. Потом злость прошла, и от неё осталось только утомление.

— Я всё ещё тебя ищу, — сказала Лея в темноту. — Если ты где-то есть, потерпи ещё немного.

Она погасила светильник, закрыла комнату и вернулась к себе. В тот вечер Лея впервые не стала перечитывать старые патрульные записи: от одной мысли об очередных одинаковых строках у неё начинала болеть голова.

К одиннадцати ветер разошёлся так, что в печной трубе загудело, будто там поселился кто-то живой. Лея лежала с открытыми глазами и следила за светлым пятном на потолке. Сквозь стекло пробивалась мутная луна; в её свете можно было различить редкие снежинки. Первый снег всегда ложился на Велмар незаметно, смешиваясь с грязью и остатками листвы, и только к утру крыши становились белыми.

Ей вспомнилось, как Нэрин каждый год вытаскивала её лепить снеговика. Взрослая разведчица, умеющая пробежать по стене с тяжёлым арбалетом за плечами, она искренне радовалась мокрому снегу и неизменно спорила с Леей о

том, где взять нос для снежной головы. Улыбнувшись этому воспоминанию, девушка повернулась к стене и почти задремала.

Тогда за окном что-то царапнуло дерево.

Звук был негромким, но слишком отчётливым, чтобы спутать его с веткой. Лея прислушалась. Прошло несколько секунд; снаружи снова медленно протянуло по раме чем-то твёрдым. Она села, посмотрела на дверь спальни и потянулась к ножу, который оставляла на маленьком столе после работы.

— Кто там? — спросила она.

Ответа не было. Ветер за окном на миг стих, отчего стало слышно, как щёлкают настенные часы. Лея опустила ноги на пол, нащарила сапоги и подошла ближе, стараясь не скрипнуть половицей. Плотные занавески она обычно не задёргивала: окно выходило в закрытый двор, и с улицы заглянуть сюда было невозможно.

На этот раз за стеклом кто-то стоял.

Сначала она различила только высокую тёмную фигуру, как будто к дому приблизился человек в широком мокром плаще. Его плечи находились почти на уровне верхней перекладины оконной рамы, хотя земля под окном была на полметра ниже пола. Лея застыла, пытаясь понять, не обманывает ли её слабый свет. Фигура чуть повернула голову, и на стекло легла огромная ладонь — если это вообще можно было назвать ладонью.

Четыре длинных пальца заканчивались загнутыми когтями. Между ними торчала густая чёрная шерсть, а там, где у человека было бы запястье, проступали толстые сухожилия. Когти без усилия вдавились в старую древесину. За ними из темноты появилась вытянутая морда, мокрая от снега и крови. Существо наклонилось к окну; возле стекла блеснули клыки, один из которых был надломлен почти у основания.

Лея отступила, ударившись бедром о край кровати. Перед ней стоял не волк. На волка он походил лишь мордой и шерстью; туловище было слишком широким, передние лапы — слишком длинными, а взгляд двух янтарных глаз — слишком внимательным. Он рассматривал её так, будто пытался отыскать знакомую черту в незнакомом лице.

— Уходи, — выговорила Лея, поднимая нож. — Слышишь? Прочь от дома.

Существо не ударило в стекло. Оно отняло лапу от рамы и чуть отвело морду, словно её голос испугал его больше, чем оружие. На шее зверя Лея заметила толстое железное звено и оборванную цепь. Там, где металл соприкасался с кожей, шерсть была вытерта до тёмных воспалённых полос.

Оборотни существовали в рассказах стариков и в записях стражи, которые никогда не показывали горожанам. Лея считала эти истории способом заставить детей возвращаться домой до звона. Даже сейчас разум отказывался принимать увиденное: если это настоящий зверь, почему он не пытается

сы разбить окно? Если человек, как может он выглядеть подобным образом?

Существо разомкнуло челюсти. Лея приготовилась к рыку, но вместо него услышала сдавленный хрип, отдалённо напоминающий человеческую речь. Зверь попробовал ещё раз. Его язык неловко двигался между клыками, кровь стекала по нижней губе, и всё же из этого мучительного усилия сложилось короткое слово:

— Ле... я...

Нож потяжелел в руке. Лея не сразу поняла, почему её охватил такой ужас: дело было не в том, что чудовище назвало её по имени. В неровном, почти задушенном голосе прозвучала знакомая интонация — так Нэрин звала её, когда хотела разбудить и знала, что младшая сестра притворяется спящей.

— Нет, — сказала Лея. — Нет, только не это.

Оборотень едва заметно склонил голову. Лунный свет скользнул по его правому глазу, и девушка увидела тонкий светлый рубец над бровной дугой. У Нэрин на том же месте остался шрам после детской вылазки в заброшенный сад: ржавый прут рассёк кожу, а Лея тогда перепугалась настолько, что не могла даже правильно наложить повязку. Совпадение было невозможным — и всё же она упорно искала другое объяснение.

— Нэрин? — спросила она так тихо, что сама едва слышала.

Глаза зверя закрылись. Из груди вырвался низкий звук, не похожий ни на вой, ни на стон. Он прижался лбом к раме, оставив на стекле грязную полосу. Лея поставила нож на край стола. Она сделала шаг к окну, но остановилась, увидев, как по длинной морде пробежала судорога и с клыков на снег упали капли крови.

— Что с тобой сделали? — прошептала девушка.

Оборотень резко вскинул голову, будто на этот вопрос у него не было времени. Он попытался ответить, однако первое слово превратилось в хрип. Лея видела, каких усилий стоит ему каждое движение рта, и невольно повторяла за ним обрывки звуков, пытаясь угадать смысл.

— Не... позволяй... им...

— Кому? Нэрин, кому не позволять?

Зверь раскрыл пасть шире. Челюсти задрожали, из горла вырвался болезненный кашель; на стекле выступили несколько свежих красных точек. Когда он наконец сумел продолжить, слова прозвучали почти неслышно:

— Звонить... в седьмой... раз.

Лея непроизвольно посмотрела в сторону башни, хотя через стену её не было видно. Колокол звонил шесть раз — так было всегда, сколько она себя помнила. Во время праздников его использовали по-другому, но семь одиночных вечерних ударов не прозвучали ни разу. Откуда Нэрин могла знать, что существует седьмой?

— Подожди. Скажи, где тебя держали. Я помогу, только

объясни...

— Бе... ги.

Слово оборвалось на выдохе. Вдалеке послышался лязг вооружения, затем кто-то крикнул на соседней улице. Оборотень мгновенно переменялся: прижал уши, повернул голову и отступил от окна. Лея увидела, как напряглись мышцы под шерстью, — движения большого хищника были уверенными и быстрыми, несмотря на цепь и раны.

— Не уходи! — Она бросилась к задвижке. — Нэрин, подожди!

На перекрёстке мелькнули огни фонарей. Зверь оттолкнулся от земли, перелетел через низкую ограду, несколькими мощными прыжками достиг стены соседней прачечной и исчез за её крышей. Лея успела увидеть только хвост, тёмный силуэт на фоне снега и звено цепи, блеснувшее в воздухе.

Окно поддалось не сразу: крючок перекосило от давления когтей. Когда Лея наконец распахнула створку, в комнату ворвался ледяной ветер. На подоконнике темнели маленькие пятна крови. Внизу, на влажной земле, сохранились два глубоких отпечатка; каждый был больше её ладони.

— Нэрин! — позвала она в пустой двор.

— Кто кричал? — раздалось из переулка. — Эй, у окна! Не двигайтесь!

Лея отпрянула. Два стражника приближались к дому; один поднял фонарь, другой держал арбалет так, чтобы в любой момент выстрелить по крыше. Девушка узнала Ярна

Крея. Он несколько раз навещал Нэрин после службы и всегда с трудом находил, о чём поговорить за чаем. Сейчас его лицо под светом фонаря казалось нездорово бледным.

— Госпожа Корвин, вы видели зверя? — спросил Ярн, остановившись у стены.

Лея открыла рот. Ей вдруг отчаянно захотелось рассказать ему всё: как сестра пришла к окну, как мучилась, пытаюсь говорить, как просила не допускать седьмого удара. Но арбалетчик уже оглядывал крыши, и Лея представила, что произойдёт, если они отыщут раненого зверя. Она стиснула край подоконника, чтобы руки перестали дрожать.

— Я слышала шум, — сказала она. — Мне показалось, что во дворе кто-то есть.

— Поэтому открыли окно? — Ярн осветил раму. На дереве белели четыре свежие борозды. — Странно. Оно было здесь, а стекло осталось целым.

Второй стражник присел возле отпечатков и тихо выругался. Ярн подошёл к нему, ненадолго закрыл свет фонаря ладонью, затем снова посмотрел на Лею. В его выражении не было ни удивления, ни привычного участия, с которым он раньше расспрашивал её о поисках сестры.

— Если кто-то подойдёт к вашему дому ночью, не открывайте, — произнёс он. — Даже если услышите знакомый голос.

Лея ощутила, как холодеет затылок.

— Почему вы это говорите?

— Потому что люди иногда принимают желаемое за действительное. А за городской стеной есть существа, которые этим пользуются. — Ярн поправил рукавицу. — И не забывайте: за укрывательство опасных тварей здесь судят так же строго, как за помощь разбойникам.

Стражник с арбалетом окликнул его с улицы: следы уходили к крышам, нужно было продолжать погоню. Ярн ещё секунду задержал на Лее взгляд, словно ожидал признания, затем пожелал ей спокойной ночи. После того как фонари скрылись за поворотом, девушка закрыла окно и прислонилась к стене.

Только теперь до неё дошло, что всё это время она даже не попыталась вытереть кровь со стекла. Если Ярн заметил пятна, то никак этого не показал. Лея принесла тряпку, но не сразу решилась прикоснуться к красным следам. В голове крутились его слова о знакомом голосе и тяжёлое дыхание существа, которое она назвала сестрой. Что, если стражник был прав? Что, если за окном стояло нечто, умеющее обманывать?

Она снова вспомнила шрам. Его невозможно было увидеть под одеждой Нэрин или узнать из патрульного отчёта. И всё же одного шрама было недостаточно, чтобы принять то, чему она стала свидетелем. Девушка смыла кровь, оставив небольшой клочок чёрной шерсти, застрявший в щели рамы. Положила его на чистую тряпку и спрятала в ящик стола. Потом долго сидела рядом с остывающей печью, ста-

раясь упорядочить мысли.

Седьмой удар. Закрытая железная дверь. Обрывок цепи на звериной шее.

Лея знала о колоколе почти всё, что положено знать механику: вес языка, систему противовесов, слабые места старой подвески. Однако она никогда не видела схем северной части башни. Если там действительно существовал отдельный механизм, его могли скрывать от обычных работников годами. До сегодняшней ночи это казалось ей пустым упрямством хранителей. Теперь одна только мысль о запертой двери вызывала дурноту.

Она не заметила, как сквозь окна начал просачиваться рассвет.

Под утро Лея всё-таки уснула, уронив голову на сложенные руки. Приснился старый семейный сад, заросший сухими стеблями. Нэрин стояла у ограды спиной к ней, и Лея никак не могла догнать сестру, хотя та не двигалась с места. Когда Нэрин обернулась, на её лице не оказалось ни глаз, ни рта — только гладкая светлая кожа. Из-за этой неподвижной маски донёсся знакомый голос, попросивший Лею проснуться.

Её разбудил настоящий крик с улицы. Девушка резко выпрямилась, ощутив боль в затёкшей шее. За окном уже светало; часы показывали без двадцати семь. В переулке стучали сапоги, кто-то требовал вызвать стражу, а затем слы-

шался второй крик, настолько пронзительный, что Лея без раздумий схватила пальто и побежала к двери.

Два квартала она прошла почти бегом. Возле старого водостока собралась толпа, не пускавшая никого к стене. Мужчина в фартуке спорил со стражником, молодая женщина плакала, закрыв лицо ладонями, а из-за спин людей доносился резкий запах свежей крови. Лея протиснулась ближе и пожалела об этом прежде, чем успела понять, что лежит на камнях.

Тело мужчины было отброшено к низкому бордюру. Одна рука оказалась неестественно заломлена под спину; разорванная куртка пропиталась кровью, и там, где ткань отступала от грудной клетки, виднелись глубокие раны. Сначала Лея подумала, что зверь перегрыз ему горло. Потом её взгляд поднялся выше, и желудок болезненно сжался. С лица убитого почти полностью исчезла кожа. Скулы и челюсть обнажились не так, как после укусов, — края повреждений были пугающе ровными, словно кто-то терпеливо отделял её острым лезвием.

Лея отвернулась и оперлась о холодную стену. Ей пришлось видеть раненых на производстве, однажды она помогала врачу вытаскивать человека из-под рухнувшего подъёмника, но здесь было что-то другое. Зачем дикому зверю лицо? Почему тело оставлено посреди улицы, хотя рядом достаточно тёмных проходов, чтобы утащить добычу?

— Всем отойти от стены, — сказал кто-то за её спиной.

— И не трогайте кровь, если хотите, чтобы мы нашли следы.

Толпа расступилась перед высоким мужчиной в потёртом кожаном доспехе. У него были короткие тёмные волосы, шрам над бровью и меч за спиной. Лея узнала Тарена Восса: охотник на чудовищ появлялся в Велмаре редко, зато о его вылазках говорили даже те, кто никогда не выходил за городские ворота. Он не посмотрел на любопытных и сразу опустился на колено возле погибшего.

— Когда нашли? — спросил он у стражника.

— Минут двадцать назад. Прачка шла к колодцу. Кричала так, что половина квартала проснулась.

Тарен осмотрел одежду, затем приблизил фонарь к повреждённому лицу. Он работал осторожно и без суеты, но его движения заметно замедлились, когда он увидел ровную линию разреза возле уха.

— Челюсти здесь отметились, — сказал охотник, указывая на грудь. — Сильные, крупные. Только остальное не похоже на работу зверя.

— Оборотень? — тихо спросил стражник.

— Я не стану называть существо, которого не видел. И уж точно не стану утверждать, что волку понадобилось снимать с человека лицо.

Стражник побледнел и отступил. Лея, услышав ответ, снова взглянула на тело. До этой минуты она старалась убедить себя, что ночной гость мог оставить такие раны. Теперь сомнение, от которого ей хотелось избавиться, стало

ещё сильнее: на лице зверя она видела кровь, но ни одна из произнесённых им фраз не звучала как угроза.

Тарен заметил девушку у стены.

— Вы знали убитого?

— Нет. Я живу неподалёку.

— Тогда уходите. Здесь достаточно людей, которые мешают, не понимая этого.

В другой день Лея огрызнулась бы, но сегодня ей не хватило сил. Она отошла к краю толпы, где земля оставалась влажной после растаявшего снега, и только там заметила отпечаток, уходивший под боковую стену дома. Четыре длинных пальца, глубокие вмятины от когтей. Почти такие же следы остались возле её окна. Рядом был второй, затем ещё один — будто тяжёлое существо двигалось по тесному проходу, отталкиваясь от земли через несколько шагов.

Лея обернулась к Тарену, но тот уже расспрашивал стражников, какие ворота были открыты ночью. Девушка посмотрела вдоль переулка. Если бы зверь уходил в лес, ему следовало повернуть к западной стене; эти же отпечатки тянулись мимо старого колодца и исчезали за мастерской жестянщика. Лея знала короткую дорогу. Она сама ходила ею на работу, когда опаздывала и не хотела пробираться через рыночную площадь.

Проход вёл к заднему двору колокольной башни.

Она сделала несколько шагов, остановилась и присела у самого дальнего отпечатка. Внутри следа поблёскивала кап-

ля крови, совсем небольшая, но ещё не смытая талой водой. Был ли зверь ранен до убийства или получил рану здесь? Лея представила железную цепь на шее Нэрин и её воспалённую кожу. Представила, как сестра бежит через двор, скрываясь от стражи, а за несколько улиц отсюда кто-то умирает без лица.

— Госпожа Корвин! — позвал Тарен. — Я, кажется, просил вас не ходить по следам.

Лея поднялась. Охотник стоял в нескольких шагах, держа руки на поясе. Сейчас было бы просто указать ему направление, рассказать о ночном госте и закрытой двери. Он умел выслеживать чудовищ, и, возможно, ему хватило бы нескольких часов, чтобы выяснить правду. Но Лея помнила оружие у стражников и не знала, кого Тарен убьёт первым, если поверит ей.

— Простите, — сказала она. — Я уже ухожу.

Она обошла людей и пошла к кузнице. Только свернув за угол, позволила себе остановиться и посмотреть на башню. Её тёмный силуэт возвышался над утренними крышами, ничем не отличаясь от вчерашнего. Лея работала там три года: знала, где ступени скрипят, где заклинивает противовес, как долго остывают шестерни после звона. Всё это время ей казалось, что башня — просто сложная, плохо отремонтированная машина, а закрытые комнаты принадлежат чужим секретам, которые её не касаются.

Сейчас она уже не была в этом уверена. Нэрин исчезла на

севере, стража нашла кровь и велела семье смириться. Ночью к окну пришло существо с её голосом и детским шрамом. Утром в городе обнаружили человека, с которого сняли лицо, а звериные следы привели к башне. Возможно, между событиями не существовало связи; возможно, Лея видела её только потому, что отчаянно хотела вернуть сестру. Но проверить следы она могла сама, и это было больше, чем ей предлагали за двадцать три дня поисков.

Сегодня вечером Мелвин снова велит ей заканчивать работу после шестого удара. Она послушается, как делала всегда, дождётся, пока мастер уйдёт, а потом вернётся. Замок на северной двери старый; у неё найдутся инструменты, чтобы с ним справиться. Впервые за много дней Лея знала, что собирается делать дальше, и от этой определённости ей было страшнее, чем от всего, что случилось ночью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.